

Последний эшелон

Очерк

Войска правого крыла 1-го Прибалтийского фронта, куда после расформирования партизанских отрядов направили старшего лейтенанта Корнева, продвигались на северо-запад. Отступающие из-под Ленинграда немецкие части были прижаты к побережью Финского залива. Многие, используя катера и баржи, пытались перебраться на финский берег.

Опять Двинск. И снова ранение. В ту же руку. Госпиталь. Резерв. Так что освободить этот город Фёдору уже не довелось. Потом был Кенигсберг. Медаль и наконец-то первый орден. Орден «Отечественной войны» второй степени.

Ещё месяц, другой, и война закончилась.

А в августе началась новая. Бросок в Маньчжурию.

За неделю до этого командир 37-го полка своим приказом снял с должности комбата-3 «за трусость», а потом целых три часа ходил вдоль линии обороны с начальником штаба этого батальона Корневым. Он расспрашивал о плене, о партизанах, о том, как приходилось выживать на оккупированной территории, о семье, о первых годах службы...

В который раз за последние два года Фёдор Корнев вспомнил про все свои эшелоны. И когда, в первый день войны, не веря в

пустые обещания начальника вокзала, усадил жену и годовалового ребёнка в пустой вагон, уже отходящего на восток неприметного состава из пяти вагонов, и когда раненый, попав в плен, решился выпрыгнуть из эшелона, увозящего его на запад, и потом, пройдя полтысячи километров по захваченной немцами территории, оставшись в живых после допросов в заградотряде, сидя на полу поезда, идущего к своим, в Ленинград...

Война кончалась, и полковнику не хотелось под конец ошибиться и перечеркнуть всё, что прошёл и заслужил за последние четыре года.

В результате этих «бесед» отдельный батальон с приданной артиллерией и танками под командованием старшего лейтенанта Корнева был направлен в тыл Квантунской армии через горный хребет Большого Хингана.

Степь, пески. Только что прошли ливневые дожди. Месиво. Машинам не проехать. Орудия артиллеристы тащили на себе. Танки норовили перевернуться на крутых склонах. Ночью холодно и нужно согреться, но нечем расжечь огонь. Вокруг много брошенных японских автомобилей. Бойцы нашли в них огромные тюки с японскими деньгами. Вероятно, спешно вывозили из банков оставленной Маньчжурии. Этими «бумажками» хорошо было топить костры. Некоторые водители собирали валюту и прятали у себя в кабине. Потом как-то умудрялись её выгодно обменивать.

Дважды разведка батальона находила японских наблюдателей, до головы закопавшихся в песок. На допросах они стояли навтыжку с гордо поднятой головой. На крик только упрямо дергали головой и ещё больше вытягивались перед врагом. Невозможно было добиться от них ни одного слова. Таких Корнев уважал и приказывал не расстреливать, хотя тащить их за собой было и рискованно, и сложно.

С вершины увидели большое плато, всё заполненное японскими военными частями. Настало время выхода на рубеж атаки. Батальон развернул орудия, дал первые залпы. С гор вниз по войскам ударили ещё с двух сторон другие передовые части. В это же время с фронта начали действовать основные силы. Замысел простой и эффективный. В результате удалось предотвратить готовившиеся взрывы и затопления Мукденского арсенала, Аньшаньского металлургического комбината, электростанции, Фушуньских угольных шахт.

Неподалеку от Мукдена была освобождена из концлагеря большая группа военнопленных американских и английских солдат, офицеров, генералов. К концу августа вся территория Маньчжурии с населением почти в пятьдесят миллионов человек была полностью освобождена. Японская армия была разгромлена, очень много японцев попало в плен.

xxx

Старший лейтенант, какой орден тебе дать: Красного Знамени или Суворова?

- Суворова, товарищ маршал, - ни секунды не раздумывая, отчеканил Фёдор. - Красного Знамени мне уже однажды пробовали дать.

- Знаю, - сказал маршал, немного помолчав и отвернувшись. - Я всё про тебя знаю. А операция-то какая! Как у Суворова в Альпах. Только он был генералиссимус, а ты старший лейтенант. Вся разница! - добавил Малиновский и рассмеялся. - Молодец. Настоящий кадровый офицер. Что дальше думаешь делать?

Для Фёдора эти два слова, сказанные маршалом, «кадровый офицер», были, пожалуй, самой главной оценкой. Чувства подкатили к горлу. Он вспомнил всё - 35-год, армия, первые десантные войска, Финскую войну, Бессарабию, Западную Украину, Прибалтику, первые дни войны с немцами, ранение, плен, побег, все мытарства на родной земле, партизаны... и с трудом выдавил:

- В 41-м был в плену семь дней, товарищ маршал. В Ленинграде сказали, мол, я теперь беспартийный... Действующей армии сейчас нужны герои с биографией. А нашего брата ещё не раз и не один год будут проверять. И всё это время - без доверия. На войне-то быстро всё проверяется, а в мирное время замучаешься ждать и доказывать. Так что подам рапорт, навоевался.

- Ну, смотри, - сказал Малиновский, повернувшись к присутствующим в кабинете двум офицерам штаба. - Жалко, когда такие уходят. Боевой, самостоятельный. Может, ты и прав, Корнев... Наверное, прав. Придётся и это пережить, - добавил он, думая о чём-то своём. - Ты слушай меня, маршала. Спасибо тебе. За всё спасибо. За выдержку, за уверенность в себя, за правильные решения... - Помолчал немного, потом вдруг заулыбался, как-то очень искренне и тихо произнёс: - А-то ведь никто, кроме меня, и не поблагодарит...

Маршал вдруг стал серьёзным.

- Последнее задание для тебя, старший лейтенант. Командир дивизии, конечно, тебя ещё вызовет для приказа. А пока важно, чтобы ты уяснил: задание очень сложное и не смотри, что не боевое. Доставишь в Москву эшелон, а потом свободен. Чего не спрашиваешь, какой эшелон-то?

- Сами скажете, товарищ маршал.

- Победителей нужно вернуть домой. Целую дивизию. Кончились войны, теперь все герои, понимаешь, грудь в орденах, с оружием, с водкой, стреляют все кому ни лень. Понятно, чего от них можно ждать?

- Так точно. Могу представить.

- Справишься? Мы специально ищем таких, эшелонов-то много будет.

- У меня, товарищ маршал, любовь к эшелонам. В этой войне он будет четвёртым.

- Любовь - это хорошо. Тогда я уверен. - Стоявшие рядом офицеры заулыбались.

Этот эшелон - чистый ад! Что-то изменить в его «образе жизни» было невозможно. В замкнутом пространстве вагона звания ещё что-то значили. Но на остановках! Все вываливались из вагонов, расползались по вокзалу, просачивались в город... Три стоянки поезда на всём пути следования. Но какие! Что творилось на станциях - не пересказать! И что мог тогда сделать специальный взвод автоматчиков? Эти, пожалуй, единственно трезвые ребята на ходу выпрыгивали из поезда и хорошо, если успевали перекрыть все возможные и невозможные выходы в город. А нужно было ещё тихо снять больных и пораненных в драках... Прямо, как с зэками. Только эти свои и вооружены.

Любые резкие изменения в жизненном укладе вначале всегда сопровождаются неопределённостью и неуправляемостью. Именно в это время толпа самопроизвольно выталкивает на поверхность своих лидеров. Нужно было очень быстро и в каждом вагоне найти такого. Того, за кем позднее в хаосе всеобщего столпотворения пойдут все. И командиры - тоже. Нужно было так сработаться с этими «вожаками»,

чтобы они поняли, осознали и продолжали долго и организованно пить всем вагоном. Это лучше, чем на остановке в посёлке или городе вылавливать солдат, пьяных от внезапно свалившейся на них свободы, власти и неуёмной радости от того и другого.

На станциях стояли сотни людей с цветами. Они радовались победителям... Как встречная взрывная волна гасит пожар, так и эти искренние большие чувства встречавших останавливали и чуть-чуть отрезвляли бойцов.

Через две недели в Москве рано утром Корнев сдал этот литерный из сорока вагонов. Комендант вокзала с сопровождающими обошёл состав, заглянул в каждый вагон, посмотрел бумаги, деловито подписал документы и произнёс:

- Убыль два процента. Норма.

Эшелон со спящими вповалку бойцами, усталыми после безудержного буйства на протяжении двух недель, тихо стоял на станции на запасных путях. Интересно, когда о нём вспомнят?

А его поезд уезжал домой, в Ленинград, к родным. Поезд мерно стучал колёсами. Для Фёдора закончились все войны на свете. Клонило ко сну.

xxx

(Из представления к награде.

Краткое изложение личного боевого подвига или заслуг).

В период боевых наступательных операций дивизии против Японо-Манжурских войск с 9 по 20 августа 1945 года в районе, что южнее города Хайлар (Манжурия), в районе Большого Хинганского Хребта, тов. Корнев Ф.Н. проявил доблесть и мужество в борьбе против Японо-Манжурских войск. За время боевых действий батальона в

составе передвижного передового отряда, тов. Корнев ФН умело организовал разведку дорог и переправ, форсировал Большой Хинганский Хребет, сохранил материальную часть и личный состав.

11 августа 1945 года в районе населённого пункта Улан Караган, Хабаровского уезда, Манжурия, тов. Корнев ФН руководил батальоном при окружении и разоружении войск противника в количестве 2200 челове, в том числе 2-х генералов, чем способствовал быстрейшему окончанию войны.

Вывод: За проявленные мужество и отвагу в борьбе с Японо-Манжурскими войсками достоин правительственной награды - ордена «Красное Знамя».

Командир передового подвижного отряда 221 Стрелковой Мариупольской Краснознамённой ордена Суворова дивизии

Подполковник Терентьев

5 сентября 1945 г.

СЕКРЕТНО

Экз. №2

ПРИКАЗ

Войскам Забайкальского фронта

5 октября 1945 г. № 043/н действующая армия

От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР, за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с японскими империалистами и проявленные при этом доблесть и мужество - НАГРАЖДАЮ:

ОРДЕНОМ СУВОРОВА III степени

Старшего лейтенанта

КОРНЕВА Фёдора Николаевича - Командира мотострелкового батальона
передового подвижного отряда 221 стрелковой дивизии

КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ ЗАБФРОНТА

МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

МАЛИНОВСКИЙ

ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА ЗАБФРОНТА

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ

ТЕВЧЕНКОВ

НАЧАЛЬНИК ШТАБА ЗАБФРОНТА

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ

ТРОПЕНКО